

BENITO PÉREZ GALDÓS

TRISTANA

BENITO PÉREZ GALDÓS

TRISTANA

ESPAÑOL

LITERATURA CLÁSICA

Вступительная статья, комментарии и словарь

В. П. Лутыса

ИЗДАТЕЛЬСТВО

КАРО

Санкт-Петербург

УДК 378.2
ББК 81.2 Исп-93
Г 17

Гальдос Б. П.

Г 17 Тристана: Книга для чтения на испанском языке. — СПб.: КАРО, 2012. — 256 с. (Серия «Literatura clásica»).

ISBN 978-5-9925-0743-0.

Бенито Перес Гальдос (1843–1920) — наиболее значительный представитель критического реализма в Испании. За свою более чем полувековую писательскую деятельность он создал семьдесят семь романов, из них два цикла исторических романов под общим названием «Национальные эпизоды». Роман «Тристана» входит в цикл «Современных романов», над которыми писатель работал начиная с 1880 года и до конца жизни.

В предлагаемое вниманию читателей издание входит полный текст произведения, снабженный подробным комментарием и словарем. Книга может быть рекомендована студентам-испанистам, преподавателям испанского языка, специалистам в области испанской и западноевропейской литературы, а также всем тем, кто интересуется языком, культурой и историей Испании.

УДК 378.2
ББК 81.2 Исп-93

ISBN 978-5-9925-0743-0

© КАРО, 2012

В ПОИСКАХ ДОН ЖУАНА, ИЛИ РЕАЛИЗМ ПОЗДНИХ РОМАНОВ БЕНИТО ПЕРЕСА ГАЛЬДОСА

Образ дон Жуана, великого обольстителя, сладострастного сердцееда, не ведающего ни страха, ни угрызений совести, вот уже несколько веков будоражит фантазию писателей и поэтов. И всякий раз из-под пера появляется совершенно другой, непохожий на своего полного тезку литературный персонаж. Казалось бы, что нового можно открыть в чертах давно известного героя. И все же...

Повеса и ловелас, богохульник и отчаянный дуэлянт — вполне реальное лицо времен испанского Средневековья, живший в XIV веке в Севилье, дон Хуан де Тенорио. Ближайший сподвижник и даже, вероятно, не столько доверенное лицо, сколько товарищ по тайным ночным приключениям наследника трона, а впоследствии короля Педро Первого, более известного как Педро Жестокий, дон Хуан еще при жизни прославился своими похождениями. Мораль и воздержанность были ему неведомы, поэтому однажды ночью он получил смертельный удар кинжалом в сердце. Его израненное

тело обнаружили на кладбище у могилы некоего дворянина, которого наш герой незадолго до этого убил на дуэли. Кто наказал нечестивца — так и осталось тайной. Ходили слухи, что монахи-францисканцы, отчаявшиеся найти управу на злодея-серцееда официально, закололи кинжалом лове-ласа-повесу ночью на кладбище, куда заманили его обманом, а после распустили слух, будто на голову несчастного обрушился праведный Божий гнев. Из Преисподней явился дух невинно убиенного Командора и забрал с собой богохульника.

Захватывающее начало сюжета. Много лет спустя, уже в XVII веке, Тирсо де Молина сделал не-утомимого искателя приключений главным действующим лицом своей бессмертной пьесы «Севильский обольститель, или Каменный гость». Персонаж Тирсо де Молины — герой, бесстрашный человек, которому неведом страх смерти, неведома мирская мораль. Ему ведомы лишь чувства, лишь горячие желания, и только они могут и должны быть единственной путеводной звездой и мерилom человеческой жизни.

В середине XIX века к образу дон Жуана обращается великий поэт испанского романтизма Хосе де Эспронседа. Его герой тоже не обременен человеческой моралью, он тоже не знает, что значит жить по правилам, тихой скромной жизнью простого обывателя. Его знаменем становятся необуз-

данные страсти и, прежде всего, любовь как самое сильное чувство, на которое только и способен человек. За честь и радость испытать любовь возможно пожертвовать самой жизнью. Интересно, что и у Тирсо де Молины, и у Эспронседы вторым обязательным персонажем становится вовсе не женщина, предмет страсти, объект обольщения, а Командор, Каменный гость — символ и воплощение Смерти, конечности бытия и суровый финал земной жизни.

В начале XX века Рамон дель Валье-Инклан вновь оживляет легенду о великом обольстителе. Правда, в его «Сонатах», четырех романах, написанных якобы от имени маркиза де Брадомина, современного воплощения дон Жуана, герой уже немолод, вовсе не хорош собой, но все так же доверяется только чувству, своему собственному ощущению жизни. Лишь его страсть, жгучее желание, его личное понимание гармонии может быть мерилom и смыслом жизни. Искусство, музыка и любовь — вот три составляющих гармонии. Не случайно четыре романа-воспоминания объединены музыкальным термином «соната». Соната в музыке — воплощение гармонии, где мелодия и ритм подчинены строгому порядку, почти холодному математическому расчету, ничего общего не имеющему с выдуманными человеческими правилами, человеческой моралью с ее окаме-

невшими, безжизненными предписаниями, правилами, более похожими на тяжелые надгробия, нежели на заповедные обетования.

Позвольте, а где же Командор? Как же без него, ведь это — тень дон Жуана, его уснувшая совесть. Самого Каменного гостя мы на страницах романов Валье-Инклана не встретим, но его присутствие ощущается. Маркиз де Брадомин — вроде бы ничем внешне не примечательный, по словам автора, даже безобразный, оказывается католиком. Как в одном обличье могут ужиться вера и ее отсутствие. «Не согрешишь — не покаешься» — народное присловье. Лучше совершить поступок и потом сожалеть о содеянном, чем не сделать ничего и до конца дней сокрушаться, что в жизни ничего не испытал, не испробовал, не совершил. А совершив, вздрогнуть при одной только мысли о Каменном госте и возможной (!) расплате.

И наконец, роман великого испанца Бенито Переса Гальдоса «Тристана». Дон Жуан и здесь уже немолод. Добропорядочный, воспитанный, умный, утонченный аристократ, временами весьма добросердечный и сдобольный, не обремененный семьей и прочими условностями. Единственное, что роднит персонажа с дон Жуаном, — это неумное, страстное желание завлекать, обольщать и обращать в свою собственность женщин. Одним из объ-

ектов вожделения героя становится его воспитанница, пятнадцатилетняя девушка-сирота.

Роман изменяет привычные представления о литературных героях, традиционных метафорах и неизбежных аллюзиях. Дон Жуан — немолод и безобразен, одновременно сластолюбив и при этом по-отечески заботлив. Забегая вперед, уверю, при всей предполагаемой скандальности и эротизме сам текст остается целомудренным и светлым. Драма заключена в другом. Одна общая маска скрывает одновременно и коварного обольстителя, и Командора. А главная героиня Тристана, в имени которой изначально заключено страдание и боль (от испанского слова *triste* — печальный, грустный, скорбный), совершает тернистый путь — девушка-подросток, энергичная, жаждущая любви и жизни во всех ее проявлениях, через страсть, подобие собственной измены, предательство близкого человека, боль, крушение прекрасных фантазий приходит к осознанному, оттого холодному и смиренному, отказу от себя самой.

Не случайно поэтому лейтмотивом звучит тема дантова ада с его кругами, грехами и страданиями. Не случайно, что первая и, по сути, единственная страстная любовь Тристаны художник Орасио отсылает нас к персонажу «Божественной комедии» Данте Франческе да Римини, называя ее то Фран-

ческа, то Пака, то Пакита — именно под этим именем героиня появляется в поэме. Либо Беатриче. Напомню, Франческа поддалась порыву страсти и изменила супругу, который ее убил. В романе Гальдоса, узнав о тайной любви Тристаны, дон Лопе сгорает от любви, ревности и жгучей обиды собственного, лишившегося власти и обладания предметом обожания. Беатриче — не только реально существовавшее лицо, но и объект тайной платонической любви Данте, а также его провожатая в путешествии по Раю. Тристана, таким образом, становится средоточием и Рая, и Преисподней.

В завершение скажем несколько слов о Бенито Пересе Гальдосе (1843–1920), авторе романа «Тристана». Писатель родился вдали от Испании, вдали от Мадрида и бурной столичной жизни — в городе Лас-Пальмас на Канарских островах. В те времена Канары были глухой, богом забытой испанской провинцией, местом, куда ссылали политических оппонентов и прочих смутьянов. По окончании школы Гальдос отправился в столицу, чтобы продолжить образование на поприще юриспруденции. Поступил в университет, но вскоре бросил учебу. Предреволюционные, а после и революционные события захватывают Гальдоса целиком. Он обнаруживает у себя способности и желание писать, отображать исторические собы-

тия в литературной форме. Так рождается титанический замысел, единственный в своем роде пример литературного подвига. Действительно, нигде и никогда прежде писателю не удавалось создать несколько циклов исторических романов. За свою более чем полувековую писательскую деятельность ему оказалось под силу создать семьдесят семь романов, из них два цикла исторических романов под общим названием «Национальные эпизоды». Предлагаемый читателю роман входит в цикл «Современных романов», над которыми писатель работал начиная с 1880 года и до конца жизни.

Огромное место в повествованиях Гальдоса уделено скрупулезному, порой излишне подробному описанию бытовых деталей. Оттого считалось, что он — так называемый костюмбрист, бытописатель. Но подобная оценка творчества Гальдоса справедлива лишь отчасти. Костюмбристы сосредоточивали внимание в основном на описании нравов и бытовых подробностей. Герои их повествований — уже состоявшиеся личности, лишенные динамики и развития, действующие в предлагаемых условиях. Во французской литературе ближе всего к испанскому костюмбризму стоял Золя со своими «Физиологическими очерками». Романы Гальдоса в большей мере тяготеют к реалистической традиции с ее развитием не только сюжета, но подчас тра-

гическими метаморфозами характеров и личностей героев. Это не случайно. Автор долгое время состоял в переписке с таким титаном европейского литературного процесса, как Тургенев, Толстой и Достоевский. Восхищался их творчеством, искал и находил общие принципы создания именно реалистического романа.

После выхода в свет «Тристаны» недруги обрушились на автора, обвиняя его, впрочем, не в первый и не в последний раз, в безнравственности, в потакании низменным страстям и в отсутствии по-настоящему великого, светлого и чистого героя. Нечто подобное повторилось, когда в 1970 году роман был экранизирован великим испанским сюрреалистом Луисом Бунюэлем. Критики разделились на три лагеря. Первые были очарованы фильмом, две прочих группы выражали прямо противоположные мнения, одинаково отрицательные. Одни были раздражены отсутствием натуралистичных, эпатажных сцен, другие — недостатком откровенного морализаторства.

Возвращаясь к Бенито Пересу Гальдосу, скажем, что за отпущенные ему еще почти тридцать лет жизни он создал еще более тридцати романов. К несчастью, он ослеп, но и потеряв зрение, не переставал работать, оставив своим читателям богатейшее и разнообразное литературное наследие.

В. П. Литус

I

En el populoso barrio de Chamberí, más cerca del Depósito de Aguas que de Cuatro Caminos, vivía, no ha muchos años, un hidalgo de buena estampa y nombre peregrino; no aposentado en casa solariega, pues por allí no las hubo nunca, sino en plebeyo cuarto de alquiler de los baratitos, con ruidoso vecindario de taberna, merendero, cabrería y estrecho patio interior de habitaciones numeradas. La primera vez que tuve conocimiento de tal personaje y pude observar su catadura militar de antiguo cuño, algo así como una reminiscencia pictórica de los tercios viejos de Flandes¹,

¹ **tercios viejos de Flandes** — старая гвардия. Так называемый легион, новая тактическая структура в испанской армии. В XVI в. составляла основу карательного корпуса, принимавшего непосредственное участие в подавлении революционного восстания «гёзов» — «морских разбойников» — фламандцев (жителей Фландрии) против испанского владычества.

dijéronme que se llamaba *don Lope de Sosa*¹, nombre que trasciende al polvo de los teatros o a romance de los que traen los librillos de retórica; y, en efecto, nombrábanle así algunos amigos maleantes; pero él respondía por D. Lope Garrido. Andando el tiempo, supe que la partida de bautismo rezaba *D. Juan López Garrido*, resultando que aquel sonoro *D. Lope* era composición del caballero, como un precioso afeitado aplicado a embellecer la personalidad; y tan bien caía en su cara enjuta, de líneas firmes y nobles, tan buen acomodo hacía el nombre con la espigada tiesura del cuerpo, con la nariz de caballete, con su despejada frente y sus ojos vivísimos, con el mostacho entrecano y la perilla corta, tiesa y provocativa, que el sujeto no se podía llamar de otra manera. O había que matarle o decirle D. Lope.

La edad del buen hidalgo, según la cuenta que hacía cuando de esto se trataba, era una cifra tan imposible de averiguar como la hora de un reloj descompuesto, cuyas manecillas se obstinaban en no moverse. Se había plantado en los cuarenta y nueve, como si el terror instintivo de los cincuenta le detuviese en aquel temido lindero del medio siglo; pero ni Dios

¹ *don Lope de Sosa* — дон Лопе де Соса — прижизненный хозяин таверны, вымышленный персонаж из стихотворения «Una cena» Бальтасара де Алькасара (1530(?)–1606), испанского поэта эпохи Золотого века

mismo, con todo su poder, le podía quitar los cincuenta y siete, que no por bien conservados eran menos efectivos. Vestía con toda la pulcritud y esmero que su corta hacienda le permitía, siempre de chistera bien planchada, buena capa en invierno, en todo tiempo guantes oscuros, elegante bastón en verano y trajes más propios de la edad verde que de la madura. Fue D. Lope Garrido, dicho sea para hacer boca, gran estratégico en lides de amor, y se preciaba de haber asaltado más torres de virtud y rendido más plazas de honestidad que pelos tenía en la cabeza. Ya gastado y para poco, no podía desmentir la pícara afición, y siempre que tropezaba con mujeres bonitas, o aunque no fueran bonitas, se ponía en facha, y sin mala intención les dirigía miradas expresivas, que más tenían en verdad de paternales que de maliciosas, como si con ellas dijera: «¡De buena habéis escapado, pobrecitas! Agradeced a Dios el no haber nacido veinte años antes. Precaveos contra los que hoy sean lo que yo fui, aunque, si me apuran, me atreveré a decir que no hay en estos tiempos quien me iguale. Ya no salen jóvenes, ni menos galanes, ni hombres que sepan su obligación al lado de una buena moza».

Sin ninguna ocupación profesional, el buen D. Lope, que había gozado en mejores tiempos de una regular fortuna, y no poseía ya más que un usufructo en la provincia de Toledo, cobrado a tirones y con mermas lastimosas, se pasaba la vida en ociosas

y placenteras tertulias de casino, consagrandó también metódicamente algunos ratos a visitas de amigos, a trincas de café y a otros centros, o más bien rincones, de esparcimiento, que no hay para qué nombrar ahora. Vivía en lugar tan excéntrico por la sola razón de la baratura de las casas, que aun con la gabela del tranvía, salen por muy poco en aquella zona, amén del despejo, de la ventilación y de los horizontes risueños que allí se disfrutaban. No era ya Garrido trasnochador; se ponía en planta a punto de las ocho, y en afeitarse y acicalarse, pues cuidaba de su persona con esmero y lentitudes de hombre de mundo, se pasaban dos horitas. A la calle hasta la una, hora infalible del almuerzo frugal. Después de este, calle otra vez, hasta la comida, entre siete y ocho, no menos sobria que el almuerzo, algunos días con escaseces no bien disimuladas por las artes de cocina más elementales. Lo que principalmente debe hacerse constar es que si D. Lope era todo afabilidad y cortesía fuera de casa y en las tertulias cafeteriles o casinescas¹ a que concurría, en su domicilio sabía hermanar las palabras atentas y familiares con la autoridad de amo indiscutible.

Con él vivían dos mujeres, criada la una, señorita en el nombre la otra, confundiéndose ambas en la co-

¹ **cafeteriles o casinescas** — *adj pl de cafetería* f y casino *m*

cina y en los rudos menesteres de la casa, sin distinción de jerarquías, con perfecto y fraternal compañerismo, determinado más bien por la humillación de la señora que por ínfulas de la criada. Llamábase esta Saturna, alta y seca, de ojos negros, un poco hombruna, y por su viudez reciente vestía de luto riguroso. Habiendo perdido a su marido, albañil que se cayó del andamio en las obras del Banco, pudo colocar a su hijo en el Hospicio, y se puso a servir, tocándole para estreno la casa de D. Lope, que no era ciertamente una provincia de los reinos de Jauja¹. La otra, que a ciertas horas tomaríais por sirvienta y a otras no, pues se sentaba a la mesa del señor y le tuteaba con familiar llaneza, era joven, bonitilla, esbelta, de una blancura casi inverosímil de puro alabastrina; las mejillas sin color, los negros ojos más notables por lo vivarachos y luminosos que por lo grandes; las cejas increíbles, como indicadas en arco con la punta de finísimo pincel; pequeñuela y roja la boquirrita, de labios un tanto gruesos, orondos, reventando de sangre, cual si contuvieran toda la que en el rostro faltaba; los dientes, menudos, pedacitos de cuajado cristal; castaño el cabello y no muy copioso, brillante como torzales de seda y recogido con gracioso revoltijo en la coronilla. Pero lo más característico en tan singular criatura era que parecía toda ella un puro armiño y el espíritu de

¹ **Jauja** — блаженные края, райские кущи

la pulcritud, pues ni aun rebajándose a las más groseras faenas domésticas se manchaba. Sus manos, de una forma perfecta, ¡qué manos!, tenían misteriosa virtud, como su cuerpo y ropa, para poder decir a las capas inferiores del mundo físico: *la vostra miseria non mi tange*¹. Llevaba en toda su persona la impresión de un aseo intrínseco, elemental, superior y anterior a cualquier contacto de cosa desaseada o impura. De trapillo, zorro en mano, el polvo y la basura la respetaban; y cuando se acicalaba y se ponía su bata morada con rosetones blancos, el moño arribita, tras-pasado con horquillas de dorada cabeza, resultaba una fiel imagen de dama japonesa de alto copete. ¿Pero qué más, si toda ella parecía de papel, de ese papel plástico, caliente y vivo en que aquellos inspirados orientales representan lo divino y lo humano, lo cómico tirando a grave, y lo grave que hace reír? De papel nítido era su rostro blanco mate, de papel su vestido, de papel sus finísimas, torneadas, incomparables manos.

Falta explicar el parentesco de Tristana, que por este nombre respondía la mozueta bonita, con el gran

¹ *la vostra miseria non mi tange* — цитата из II главы «Ада» «Божественной комедии» Данте. Досл.: Ваши несчастья меня не трогают (ваши невзгоды от меня далеки) (итал.). Данте Алигьери (1265–1321) — итальянский поэт, один из основоположников литературного итальянского языка.

D. Lope, jefe y señor de aquel cotarro, al cual no será justo dar el nombre de familia. En el vecindario, y entre las contadas personas que allí recalaban de visita, o por fisgonear¹, versiones había para todos los gustos. Por temporadas dominaban estas o las otras opiniones sobre punto tan importante; en un lapso de dos o tres meses se creyó como el Evangelio que la señorita era sobrina del señorón. Apuntó pronto, generalizándose con rapidez, la tendencia a conceptualizarla hija, y orejas hubo en la vecindad que la oyeron decir *papá*, como las muñecas que hablan. Sopló un nuevo vientecillo de opinión, y ya la tenéis legítima y auténtica señora de Garrido. Pasado algún tiempo, ni rastros quedaban de estas vanas conjeturas, y Tristana, en opinión del vulgo circunvecino, no era hija, ni sobrina, ni esposa, ni nada del gran D. Lope; no era nada y lo era todo, pues le pertenecía como una petaca, un mueble o una prenda de ropa, sin que nadie se la pudiera disputar; ¡y ella parecía tan resignada a ser petaca, y siempre petaca...!

II

Resignada en absoluto no, porque más de una vez, en aquel año que precedió a lo que se va a referir, la linda figurilla de papel sacaba los pies del plato, que-

¹ **fisgonear** es igual que **fisgar**

ÍNDICE

<i>В поисках Дон Жуана, или Реализм поздних романов</i> <i>Бенито Переса Гальдоса</i>	3
I	11
II	17
III	25
IV	32
V	38
VI	45
VII	50
VIII	60
IX	69
X	77
XI	84
XII	91
XIII	102
XIV	109
XV	116
XVI	128
XVII	137
XVIII	144
XIX	154
XX	164
XXI	172
XXII	180
XXIII	188
XXIV	196
XXV	204
XXVI	214
XXVII	223
XXVIII	231
XXIX	236
<i>Vocabulario</i>	241

Книги издательства «КАРО» можно приобрести:

Оптовая торговля:

в Санкт-Петербурге: ул. Бронницкая, 44. тел./факс: (812) 575-94-39, 320-84-79
e-mail: karo@peterstar.ru

в Москве: ул. Стахановская, д. 24. тел./факс: (499) 171-53-22, 174-09-64
Погтовый адрес: 109125, Москва, 2-ой Грайвороновский проезд,
д. 32А, e-mail: moscow@karo.net.ru.

Интернет-магазин

WWW.BOOKSTREET.RU

Розничная торговля:

в Санкт-Петербурге:
«Азбука»,
пр. Обуховской обороны, 103,
тел.: (812) 567-56-65
Санкт-Петербургский
Дом Книги,
Невский пр., 28,
тел.: (812) 448-23-55
Сеть книжных магазинов
«Буквоед»
Магазин в помещении
ЛОИРО,
Чкаловский пр., 25А

в Москве:
Торговый дом «Библио-Глобус»,
тел.: (495) 928-35-67, 924-46-80
«Московский дом книги»,
тел.: (495) 789-35-91
Дом книги «Молодая гвардия»,
тел.: (495) 238-50-01, 238-26-86
Торговый дом книги «Москва»,
тел.: (495) 229-64-83
Дом книги «Медведково»,
тел.: (495) 476-00-23
«Дом книги на Ладужской»,
тел.: (495) 267-03-02

Бенито Перес Гальдос

TRISTANA

ТРИСТАНА

Вступительная статья, комментарии и словарь

В. П. Литуса

Ответственный редактор *О. П. Панайотти*

Технический редактор *Я. В. Попова*

Иллюстрация на обложке *О. В. Маркиной*

Издательство «КАРО», ЛР № 065644

195027, Санкт-Петербург, Свердловская наб., д. 60, (812) 570-54-97

WWW.KARO.SPB.RU

Гигиенический сертификат

№ 78.01.07.953.П.324 от 10.02.2012

Подписано в печать 29.02.2012. Формат 70 x 100 ¹/₃₂. Бумага газетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,32. Тираж 1500 экз. Заказ № 02.06

Отпечатано в типографии «КАРО»

BENITO PÉREZ GALDÓS

TRISTANA

За свою более чем полувековую писательскую деятельность великий испанский романист Бенито Перес Гальдос (1843–1920) создал семьдесят семь романов, из них два цикла исторических под общим названием «Национальные эпизоды». Роман «Тристана», написанный в 1892 году, входит в цикл «Современных романов», над которыми писатель работал начиная с 1880 года и до конца жизни. Предлагаем вниманию читателей полный неадаптированный текст романа, снабженный комментариями и словарем.

ISBN 978-5-9925-0743-0

9 785992 507430